

За последние месяцы и годы вышло множество «продолжений», экранизаций и ремейков. С многих из них тянет блевать.

Зачастую оригиналы тоже не сахар, но современная разложенческая постмодернистская культура превращает даже то неплохое, что в них было, в шлак. Это и новые эпизоды «Звёздных войн», и «Призрак в доспехах», и «Бегущий по лезвию», также российские «Утомлённые солнцем 2», и опять же западные продолжения: «Аватар: легенда о Корре», «Безумный Макс: дорога ярости»... много, много всякой дряни заставляют проглотить обывателя.

И вот, дождались, теперь приходится смотреть «экранизацию», точнее фильм по мотивам «451 градус по Фаренгейту». Но, может быть, он станет приятным исключением, киноделы отдадут честь Рею Бредбери?

Включаешь картинку и не узнаёшь, а это точно 451 по Фаренгейту, а не по Эквилибриуму?

Ничего ли мы не перепутали? А то, может, не тот файл запустили? Какие-то строгие чёрные одежды с бортам сбоку, перчатки, какая-то серость и темнота, лица у всех чистенькие, ухоженные, где же запах напалма керосина, что мы так любим по утрам? Где первоначальный драйв от испепеления? Где опалённые брови, красные морды пожарных? Где их убийственный оптимизм и насмешливость, усмешка пред всем незнакомым в жизни?

И опять эти тошнотные отщепенцы, которые просто эстеты и любители старины, полубомжующие на окраине города. Отщепенцы выделяются, прежде всего, именно стилистикой утончённой и под старину, против строгих и местами футуристичных решений для нормальных граждан. Гай Монтег, ты кто вообще такой? Суровое и слепое до поры орудие закона или поп-звезда? Но да ладно, что я к стилистике придираюсь? В

конечном счете, в вопросах стилистики есть даже свои удачные находки: летящие отовсюду смайлики, небоскрёбы-телеэкраны — довольно неплохая актуализация материала книги.

Но, блин, жрать прозиум надо в Эквистриуме, препараты расслабляющие, подавляющие память в «Призраке в доспехах» (хотя и там не надо), а в 451 °F надо жить в маскульте, которого должно вполне хватать для вялотекущей амнезии. Но нет, сценарист Рамин Бахрани хочет угостить нас коронным блюдом кинематографа - «я - не я, и память — не моя» (а ведь вроде как режиссёр, претендующий на самостоятельность от мейнстрима).

Конечно, понятно, что если лень создавать нормальный художественный образ, отображать нутро человека, показывать нарастающие противоречия, то можно отделаться сценарным поворотом. Да, мол, у Главного Героя отец/мать были против системы, да он сам был, только забыл, да, он не знает, кто он, от того и бунтует. Но сколько уже можно-то? «Обливион», «Призрак в доспехах», «Вспомнить всё» (два раза), «Пандорум», «Идентификация Борна», «Обитель зла», «Бегущий по лезвию», «Луна 2112». Когда предел-то этому настанет?

Ок, ну нет никаких особых проблем у Монтега в жизни, и всё ему в кайф, просто не знает он, что родной папаня, будучи пожарным, «спалился» на чтении книжек, и что брандмейстер Битти вывел его на чистую воду, ну или керосин.

В общем, сидят они (Битти и Монтег) такие в вакууме, скользя по сюжету, и тут бах-тах та-ра-рах, Монтег через бабу-осведомительшу попадает в логово заговора, и с сегодня на завтра заговор должен перевернуть мир, а Монтег сразу на их сторону и перешёл! Ну, бабу ещё сожгли, да. А перебежав, Гай, сдуру по неосторожности, оставляет след для пожарных, и тем приводит их прям в гнездо повстанцев. А ещё оказывается, сам

Битти одержим книгами, но просто «возвышается» над любовью к ним, предан системе, несмотря на понимание проблемы и некоторые противоречия. Железной закалки человек, просто, хоть огнём жги (правда Бахрани это выражение толкует в прямом смысле и заставляет Монтега дружески пару минут жечь бензиновой зажигалкой руку Битти). Образ умного, интеллигентного врага, понимающего петрушку и даже подверженного некоторому влиянию возмущающей тенденции, но всё равно остающегося на стороне системы – не новый. Подобны Битти и член внутренней партии из «1984» О'Браин и Главноуправитель Западной Европы Мустафа Монд в «О дивном новом мире». И если в книге Битти лишь несколько начитан, чтобы иметь иммунитет против «не читал, но осуждаешь» и может кинуть пару цитат, но к Монтегу никаких особых чувств не питает, то в кино Битти сам толкает Монтега на путь чтения, не может без того, чтобы не пописать, явно волнуется, цитируя строки из мирового письменного наследия, да и вообще Монтегу чуть ли не отец родной, любит его как сына.

Но почему при всём этом Битти верен профессии? А потому, что книги — это зерно гражданской войны, потому, «знание хуже незнания: прочёл пару строчек и готов взорвать весь мир, рубить головы, свергать власть». Разные группы населения наезжают с их помощью друг на друга. Белые на чёрных, чёрные на белых, это, кстати, и в оригинале есть: «Цветным не нравится книга «Маленький чёрный Самбо». Сжечь ее. Белым неприятна «Хижина дяди Тома». Сжечь и ее тоже». Феминистки там возбужают на писателей — этого в книге нет, но в фильм внесли. (Интересно кто позволил Бахрани маленький наезд на феминисток? И почему? Не потому, ли, что он иранец? Или это и не наезд, а наоборот приговор Хемингуэю?) Тоже в печь.

Битти верен, потому что в книгах все друг другу противоречат, а толку нет, только путаница и смятение в уме.

А почему Монтег не верен? Во-первых, бабку сожгли, во-вторых, проникся сочувствием к одной тёлке (ну, ну не положены сейчас жёны, что поделаешь?). В-третьих, потому что «дважды два четыре - превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещица». Потому что сценаристы и режиссёры любят Достоевского. Оно понятно: Достоевский спец по разложению, по психологии гниющих слоёв общества, самокопанию и рефлексии, поэтому на Западе, да и в РФ востребован.

КНИГА из любви к страданию, поэтому дебилские стыдные дела из любви к порицанию и осуждению обществом, сладостная тяга делать плохо всем и попасть в неудобное, презираемое, непонятное и непонятое положение, а потом утончённо и высоко страдать и рассуждать о своей слабости, несчастья. «...все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь... мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, ... которые хоть и все, пожалуй, делают, но которые, как нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать ... Как будто это было мое самое нормальное состояние, а отнюдь не болезнь и не порча, так что, наконец, у меня и охота прошла бороться с этой порчей ... до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренне, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец — в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том. Я потому и заговорил, что мне все хочется наверно узнать: бывают ли у других такие наслаждения? Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошел; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком; что если б даже и оставалось еще время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться; а захотел бы, так и тут бы ничего не сделал, потому что на самом-то деле и переделываться-то, может быть, не во что. А главное и конец концов, что все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов, а следственно, тут не только не переделаешься, да и просто ничего не поделаешь. Выходит, например, вследствие усиленного сознания: прав, что подлец, как будто это подлецу утешение, коль он уже сам ощущает, что он действительно подлец».

Вот затем и книга нужна миру, чтобы было пособие по самоистязанию.

Короче, именно так, Рамин Бахрани ставит эпиграммой две цитаты: «иногда оковы лучше такой свободы» - Франц Кафка и «лучше быть счастливым, чем свободным» -

якобы, Билль о правах. Сам ставит и сам их всю дорогу пытается опровергнуть, мол, нет, лучше иметь свободу страдать, никто не вправе запрещать нам делать глупости.

Основной вопрос фильма таким образом ставится так: могут ли люди страдать, если того захотят. А-то как же? Жгут книжечки, даже Лолиту Набокова не жалеют, гады (а режиссёр тот ещё русофил)!

И вот потому Монтег и не верен делу, что хочет страдания ради страдания, а не чего-то там ещё, хочет он читать книги и путаться в лавинообразном числе вопросов и противоречий. Жизнь в изображённом фильме мире вполне приемлема и приятна для него, нет каждодневных проблем, которые исподволь голодали бы его и только ждали повода, чтобы вырваться на поверхность через неповиновение, через отрицание системы, построенной на сжигании книг, т. е. через отрицание отрицания — книги. Ничего этого нет, Монтег из фильма – придурок, абстрактный гуманист и извращенец, желающий помучить себя книгами, пощекотать нервишки. Это тот нарратив, который приемлем для киноиндустрии.

Вообще, конечно, режиссёр – тот ещё извращенец: выбрать знаменем борьбы за свободу – Достоевского, да не просто Достоевского, а «Записки из подполья» - это извращение. Собственно, сам Фёдор Михайлович в них воюет как раз ПРОТИВ либералов, против социалистов, которые, исходя из рационального объяснения природы человека в обществе, требуют свободы, справедливости и равенства. Достоевский же в пику им ставит во главу тип болезненной личности, одержимый иррациональными желаниями. Для такой-то личности и дважды два пять — хорошо, и страдать хорошо само по себе, и бунтовать стоит «беспричинно и ради самоутверждения». Конечно, всякая идея отражает какой-то момент действительности, и Достоевский отчасти прав, выстёбывая рациональный эгоизм того же Чернышевского, потому как мотивы поведения не сводятся только к личным интересам, НО! Достоевский становится в корне неправ, ставя иррациональное во главу поведения. Несмотря на отдельные отклонения (которые как раз хорошо описаны Фёдором Михайловичем), человеческая деятельность подчинена вполне ясным интересам, действующим как на уровне личностей, так и на уровне общностей. И то, что может казаться нелогичным со стороны отдельного человека, выглядит вполне оправдано со стороны общности. Матросов, закрывающий собой амбразуру фашистского пулемёта, — это глупость и сплошной иррационализм для индивидуалиста-либерала, но, если взглянуть на него, как на часть общности

красноармейцев, то его жертва равнозначна сохранению жизни десятков солдат. Или профсоюзный активист, которого избивает охрана, а потом увольняют? Как индивид, он теряет, но рядовые наёмные работники в случае роста организации, даже при учёте определённых потерь, в сумме остаются в выигрыше. Однако великий русский писатель выбирает именно исключения, где личный иррационализм не оправдывается интересами общности, а объясняется только психическими проблемами.

И вот это душевнобольное желание страдать Бахрани и делает знаменем!!! Одно из двух: или он в Достоевского не вдумывался достаточно, или он тот ещё извращенец, что для западного искусства как раз норма. И действительно, для Запада с буржуазной больше декоративной демократией как раз **ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ** нужен типаж иррационально бунтаря из психического расстройства, бунта ради бунта по какой-нибудь мелочи, бунта «беспричинного и ради самоутверждения». Такой бунт сотен отдельных групп не влияет на систему в целом, а требования могут даже и удовлетворяться, потому как, не покушаются на святая святых капитализма. А вот типаж, описанный в книге, для Запада страшен, потому мы его и не видим.

Вообще же апелляция Бахрани к русской культуре - это лишь имитация независимости и самостоятельности, имитация разрыва с масскультом. Причём, такая имитация, которая очень сильно укоренилась в западном кинематографе: если ты хочешь показать, что развит, что знаком не только с писателями из США и ЕС, используй Достоевского или, на худой конец, Толстого. Но империалистическая Россия есть лишь ситуативная поверхностная оппозиция странам старого капитализма, в культурной основе своей стоит сейчас на той же базе масскульта. Она есть качественно такой же, но менее удачливый конкурент. И Достоевский псевдооппозиционен западной культуре, видя противоречия, лишь, запутывает их, мирит с ними, предлагая либо отдалиться высшему промыслу, либо наслаждаться страданием.

Но и пять же, русская культура русской культуре рознь, есть реакционный по большей части Достоевский, а есть, например, те же Стругацкие, касавшиеся вопроса культуры в «Хищных вещах века», есть Беляев с «Часом быка», есть Горький, Зощенко, Шолохов, Радищев, Гоголь, Гончаров, Платонов, но они, конечно, на Западе не интересны, потому что отражают действительно прогрессивные стороны борьбы и русского характера.

Сюжет есть, динамика есть, но всё равно творческие потуги создателей не стоят выеденного яйца. А чего нет?

Нет жизни.

Монтег в книге Бредбери — не зажавшийся обыватель и любимец толпы, ищущий новых ощущений. Более того, он — не вырезанная наспех из гламурного журнала лоснящаяся фигурка.

Нет, это - труженик режима, живущий не в вакууме, а среди семьи, коллег, прохожих, знакомых. В поте лица своего, в прямом смысле слова, он зарабатывает деньги. И вот, этот самый труженик репрессий со своими шероховатостями и потёртостями вдруг понимает, что он несчастен, что живёт он херово, что ему одиноко до чёртиков, что все духовно бесконечно далеко.

И вы знаете, в каком мире он живёт? Он живёт в нашем мире. Мире, где телевидение и медиа вытеснили общение, где постоянно масскульт подавляет мысль, где яркие и громкие спецэффекты подменяют смысл и выбивают табуретку из под стремления понимать. Его жена копит деньги (руками самого Монтега) на то, чтобы поставить четвёртую тв-стену в гостиную. Всё время она смотрит и слушает глупейшие и лишённые смысла тв и радио передачи, о которых даже сама не может сказать, о чём они (предвестники Дома-2). Оба они не могут вспомнить, как и когда познакомились, не знают почти ничего о жизни друг друга. Их страна ведёт войны, но они не думают о них. Дети не знают родителей, а родители детей, нужно только посадить детей перед телевизором, - советует подруга Милдред; дать им телефон, планшет, - добавим мы совет из настоящего. Жизнь забивается тв, спорт-играми, радио, лихими развлечениями на авто.

И вот, с виду счастливая жена Монтега Милдред совершает попытку суицида.

Напомним, что мы уже почти живём в мире, описанном, Бредбери. Музыка и реклама, шум и гам из динамиков в магазине, транспорте, дома, частенько на улице и даже на работе. Дебильные передачи, фильмы, игры - как основной досуг. Разводы, как очень частые явления ввиду отчуждённости людей друг от друга, дети без внимания

родителей. Ну и, конечно, «плазмы» на стенах. Ещё, не тв гостиные в четыре стены, но уже огромные и подавляющие мощным звуком. И вот в таком мире, даже если человек захочет сесть и подумать о своей жизни, о том, что творится в мире, какие процессы идут в стране, едва ли ему всё это даст сконцентрироваться. И всё, что ему останется – или жевать умственную жвачку из тв, которая ярче, громче, чем собственные мысли, или черпать малокритично всё подряд из интерната (малокритично опять же потому, что условия не дают ему сосредоточиться и всё выверять, обдумывать, проверять), в крайнем случае, думать на те темы, к которым подталкивает маскульт. А собственные размышления ему придётся отложить до возникновения такой срочной и острой проблемы, что её переживание перекроет внешние раздражители.

И вот Монтег живёт почти в таком мире, может быть, только ТВ помощнее бьёт по мозгам. Монтег встречает Клариссу - молодую девушку-старшеклассницу, подающую себя как умалишённую. И нет, у них не роман. Она принадлежит к старой культуре общения, понимания, избегания «ослепляющих» разум эффектов, культуре мысли и слова. Они по пути домой (соседи) говорят о жизни, о росе, о траве, о том, чем могут заниматься люди, оставаясь вечером на веранде. Она заставляет Гая заново посмотреть на свою жизнь, и показывает некоторую альтернативу. А тут ещё и бабушка-читальщица себя сожгла. АА
Тогда-то ГГ и съезжает с катушек.

Вот здесь видны противоречия между потребностями жизни и царящей культурой, между законом, порядком, должностью и желаниями, новыми интересами Гая. Здесь есть художественный образ. Он живёт, и сама жизнь изо дня в день ведёт его к бунту. Бунту отчаянному, скоротечному и не очень удачному.

И нет никакого заговора, всемирного перелома, в котором Монтег лично участвовал бы, он — не пуп вселенной. Просто восставший винтик системы чуть-чуть треплет пожарную команду.

Есть у него и старший товарищ, дед-преподаватель. Его устами Бредбери объявляет идею книги:

«Да. Свободного времени у нас достаточно. Но есть ли у нас время подумать? На что вы тратите свое свободное время? Либо вы мчитесь в машине со скоростью ста миль в час, так что ни о чем уж другом нельзя думать, кроме угрожающей вам опасности, либо вы

убиваете время, играя в какую-нибудь игру, либо вы сидите в комнате с четырехстенным телевизором, а с ним уж, знаете ли, не поспоришь. Почему? Да потому, что эти изображения на стенах – это «реальность». Вот они перед вами, они зримы, они объемны, и они говорят вам, что вы должны думать, они вколачивают это вам в голову. Ну вам и начинает казаться, что это правильно – то, что они говорят.»

«Вам не книги нужны, а то, что когда-то было в них, что могло бы и теперь быть в программах наших гостиных. То же внимание к подробностям, ту же чуткость и сознательность могли бы воспитывать и наши радио- и телевизионные передачи, но, увы, они этого не делают. Нет, нет, книги Волшебство лишь в том, что они говорят, в том, как они сшивают лоскутки вселенной в единое целое. ... Знаете ли вы, почему так важны такие книги, как эта? Потому что они обладают качеством. А что значит качество? Для меня это текстура, ткань книги. У этой книги есть поры, она дышит. У нее есть лицо. Ее можно изучать под микроскопом. И вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии. Чем больше пор, чем больше правдивого изображения разных сторон жизни на квадратный дюйм бумаги, тем более «художественна» книга. Вот мое определение качества. Давать подробности, новые подробности. Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью. Посредственные – лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилуют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам.

- Теперь вам понятно, – продолжал Фабер, – почему книги вызывают такую ненависть, почему их так боятся? Они показывают нам поры на лице жизни. Тем, кто ищет только покоя, хотелось бы видеть перед собой восковые лица, без пор и волос, без выражения. Мы живем в такое время, когда цветы хотят питаться цветами же, вместо того чтобы пить влагу дождя и соки жирной почвы».

Книги – лишь часть культуры. Идея сжигания книг – замануха, для обывателя США. Сжигание книг – аллегория, чтобы привлечь уже подпадающих под влияние масскультуры к обсуждению вопроса о порочности последней. Явное и несуразное преувеличение, за которым стоит истинный вопрос, понятно же, что даже во времена Бредбери цель сжечь все книги была бы невыполнима просто в силу того, что нельзя проверить каждую техническую инструкцию, каждую программу телепередач, каждый физический справочник — а не спрятаны ли в нём страницы художественной книги. Неправдой правду соврал. Этот образ, видимо, был ему навеян фашизмом, маккартизмом, опасением развития капиталистического общества по жёстко тоталитарному сценарию.

Но в этом он оказался не совсем прав, сделав зигзаг, история пока что пошла другим путём: не надо сжигать книги. Надо создать информационный шум, чтобы опасные для системы вещи тонули, надо создать атмосферу идеологической травли революционных учений, нужно именно вытравливать, именно «делать прививки» от идей, чтобы в постмодернистском масскульте уже был растворён антикоммунизм, антисоциализм и т. д. Ну, а сверх этого, можно добавить законы об экстремизме, хейтспиче, чтобы запрещать некоторые из ряда вон выходящие тексты. Последнее не пресекает полностью вольнодумие и распространение опасных капиталу идей (с появлением интернета это стало совсем невозможно), но ограждает верноподданническую массу от их влияния. Этого на сегодня в относительно богатых странах достаточно. Достаточно потому, что масса отодвинута от чтения другим более эмоциональным, лёгким, захватывающим и эффективным досугом. Тут Рей Бредбери ошибся, приняв фашизм и маккартизм (или даже советскую цензуру времён сталинизма) за определяющую тенденцию. Но в основе нынешнего положения вещей лежит как раз культура шума, культура долбёжки по мозгам. И тут Бредбери был прав на 100%.

В фильме же оставили первое — ошибочное, кратковременное, то, что не сбылось (пепелища из книг), убрав верное, долгосрочное (культуру шума). И в этом есть рекурсия. Отношение фильма к первоисточнику такое же, как отношение современной культуры к разным идеям. Идеи ложные, идеи бессмысленного бунтарства она тиражирует, а идеи действительно актуальные и адекватные, бьющие по её столпам (в данном случае культурным столпам) она замалчивает, «забывает». Вот вам и капли от памяти, только без капель.

Но иногда и сами книги могут быть каплями от памяти и пилюлями забвения. Интересно, что в экранизации 1966 года Монтег показан как интеллигент-слюнтяй, который с головой уходит в чтение. И в этом фильме как раз такое отстранение от жизни в пользу чтения его и губит. Милдред «не выдерживает» и сдаёт его, сдаёт не потому, что боится быть преступницей или ненавидит книги, следуя пропаганде, а потому, что Монтег перестаёт уделять ей внимание, зарывшись с головой в бумажные страницы. И такая опасность тоже всегда есть — опасность книги — ложной реальности, ещё одного утешения и формы отвлечения. Не говоря о качествах экранизации 1966 года, нужно признать, что эта мысль важна и что она очень хорошо дополняет комплекс идей из этого произведения Бредбери.

Фильм 2018 года не может похвастаться практически никакой новой и полезной мыслью.

Повторим и подчеркнём приговор Бредбери из книги, той пародии, что нам показывают в кино под видом 451 °F:

«А что значит качество? Для меня это текстура, ткань книги. У этой книги есть поры, она дышит. У нее есть лицо. Ее можно изучать под микроскопом. И вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии. Чем больше пор, чем больше правдивого изображения разных сторон жизни на квадратный дюйм бумаги, тем более «художественна» книга. Вот мое определение качества. Давать подробности, новые подробности. Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью. Посредственные – лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилуют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам».

В книге всё этим пропитано и показано, как культура шума, огней, постоянной смены всего отупляет человека, делает неспособным запомнить пару строк. Зачем капли, коктейль в фильме, когда достаточно мощных сабвуферов, напрягающих уши и вышибающих мозги?!

Но нет. Показать эту основную мысль книги – значит маскультовской «саламандре укусить себя за хвост».

Фильм этот и есть выражение того, против чего борется книга, – выражение деградированной постмодернисткой культуры.

Бредбери же этой культуре вынес чёткий неиллюзорный приговор в виде бомбардировщиков, взрывающих сытые на фоне мирового голода города империалистов (для Бредбери – свои города).

Режиссёру книги нужны, чтобы по Достоевскому иметь возможность высоко страдать, тогда как Бредбери книги нужны, чтобы уменьшить отчуждение, чтобы понимать жизнь, приобщаться к ней, изменить её и через это снимать страдание.^^ Вот его программа по изменению культуры из трёх пунктов: «Первая [вещь], как я уже сказал, – это качество наших знаний. Вторая – досуг, чтобы продумать, усвоить эти знания. А третья – право действовать на основе того, что мы почерпнули из взаимодействия двух первых».

За последние месяцы и годы вышло множество «продолжений», экранизаций и ремейков. С многих из них тянет блевать. Зачастую оригиналы тоже не сахар, но современная разложенческая постмодернистская культура превращает даже то неплохое, что в них было, в шлак. Это и новые эпизоды «Звёздных войн», и «Призрак в доспехах», и «Бегущий по лезвию», также российские «Утомлённые солнцем 2», и опять же западные продолжения: «Аватар: легенда о Корре», «Безумный Макс: дорога ярости»... много, много всякой дряни заставляют проглотить обывателя.^^^

И вот, дождались, теперь приходится смотреть «экранизацию», точнее фильм по мотивам «451 градус по Фаренгейту». Но, может быть, он станет приятным исключением, киноделы отдадут честь Рею Бредбери?^^^
Включаешь картинку и не узнаёшь, а это точно 451 по Фаренгейту, а не по Эквилибриуму? Ничего ли мы не перепутали? А то, может, не тот файл запустили? Какие-то строгие чёрные одежды с бортам сбоку, перчатки, какая-то серость и темнота, лица у всех чистенькие, ухоженные, где же запах напалма керосина, что мы так любим

по утрам? Где первоначальный драйв от испепеления? Где опалённые брови, красные морды пожарных? Где их убийственный оптимизм и насмешливость, усмешка пред всем незнакомым в жизни? ÆÆÆÆÆ

И опять эти тошнотные отщепенцы, которые просто эстеты и любители старины, полубомжующие на окраине города. Отщепенцы выделяются, прежде всего, именно стилистикой утончённой и под старину, против строгих и местами футуристичных решений для нормальных граждан. Гай Монтег, ты кто вообще такой? Суровое и слепое до поры орудие закона или поп-звезда? Но да ладно, что я к стилистике придираюсь? В конечном счете, в вопросах стилистики есть даже свои удачные находки: летящие отовсюду смайлики, небоскрёбы-телеэкраны — довольно неплохая актуализация материала книги. ÆÆÆÆÆ

Но, блин, жрать прозиум надо в Эквистриуме, препараты расслабляющие, подавляющие память в «Призраке в доспехах» (хотя и там не надо), а в 451 °F надо жить в маскульте, которого должно вполне хватать для вялотекущей амнезии. Но нет, сценарист Рамин Бахрани хочет угостить нас коронным блюдом кинематографа - «я - не я, и память — не моя» (а ведь вроде как режиссёр, претендующий на самостоятельность от мейнстрима). ÆÆÆÆÆ

Конечно, понятно, что если лень создавать нормальный художественный образ, отображать нутро человека, показывать нарастающие противоречия, то можно отделаться сценарным поворотом. Да, мол, у Главного Героя отец/мать были против системы, да он сам был, только забыл, да, он не знает, кто он, от того и бунтует. Но сколько уже можно-то? «Обливион», «Призрак в доспехах», «Вспомнить всё» (два раза), «Пандорум», «Идентификация Борна», «Обитель зла», «Бегущий по лезвию», «Луна 2112». Когда предел-то этому настанет? ÆÆÆÆÆ

Ок, ну нет никаких особых проблем у Монтега в жизни, и всё ему в кайф, просто не знает он, что родной папаня, будучи пожарным, «спалился» на чтении книжек, и что брандмейстер Битти вывел его на чистую воду, ну или керосин. ÆÆÆÆÆ

В общем, сидят они (Битти и Монтег) такие в вакууме, скользя по сюжету, и тут бах-тах та-ра-рах, Монтег через бабу-осведомительшу попадает в логово заговора, и с сегодня на завтра заговор должен перевернуть мир, а Монтег сразу на их сторону и перешёл! Ну, бабу ещё сожгли, да. А перебежав, Гай, сдуру по неосторожности, оставляет след для пожарных, и тем приводит их прям в гнездо повстанцев. А ещё оказывается, сам Битти одержим книгами, но просто «возвышается» над любовью к ним, предан системе, несмотря на понимание проблемы и некоторые противоречия. Железной закалки человек, просто, хоть огнём жги (правда Бахрани это выражение толкует в прямом смысле и заставляет Монтега дружески пару минут жечь бензиновой зажигалкой руку Битти). Образ умного, интеллигентного врага, понимающего петрушку и даже

подверженного некоторому влиянию возмущающей тенденции, но всё равно остающегося на стороне системы – не новый. Подобны Битти и член внутренней партии из «1984» О'Браин и Главноуправитель Западной Европы Мустафа Монд в «О дивном новом мире». И если в книге Битти лишь несколько начитан, чтобы иметь иммунитет против «не читал, но осуждаешь» и может кинуть пару цитат, но к Монтегу никаких особых чувств не питает, то в кино Битти сам толкает Монтега на путь чтения, не может без того, чтобы не пописать, явно волнуется, цитируя строки из мирового письменного наследия, да и вообще Монтегу чуть ли не отец родной, любит его как сына.ÂÂÂÂÂ

Но почему при всём этом Битти верен профессии? А потому, что книги — это зерно гражданской войны, потому, «знание хуже незнания: прочёл пару строчек и готов взорвать весь мир, рубить головы, свергать власть». Разные группы населения наезжают с их помощью друг на друга. Белые на чёрных, чёрные на белых, это, кстати, и в оригинале есть: «Цветным не нравится книга «Маленький черный Самбо». Сжечь ее. Белым неприятна «Хижина дяди Тома». Сжечь и ее тоже». Феминистки там возбуждают на писателей — этого в книге нет, но в фильм внесли. (Интересно кто позволил Бахрани маленький наезд на феминисток? И почему? Не потому, ли, что он иранец? Или это и не наезд, а наоборот приговор Хемингуэю?) Тоже в печь.ÂÂÂÂÂ

Битти верен, потому что в книгах все друг другу противоречат, а толку нет, только путаница и смятение в уме.ÂÂÂÂÂ

А почему Монтег не верен? Во-первых, бабу сожгли, во-вторых, проникся сочувствием к одной тёлке (ну, ну не положены сейчас жёны, что поделаешь?). В-третьих, потому что «дважды два четыре - превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещица». Потому что сценаристы и режиссёры любят Достоевского. Оно понятно: Достоевский спец по разложению, по психологии гниющих слоёв общества, самокопанию и рефлексии, поэтому на Западе, да и в РФ востребован.ÂÂÂÂÂ

КНИГА из любви к страданию, поэтому дебилские стыдные дела из любви к порицанию и осуждению обществом, сладостная тяга делать плохо всем и попасть в неудобное, презируемое, непонятное и непонятое положение, а потом утончённо и высоко страдать и рассуждать о своей слабости, несчастья. «...все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь... мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, ... которые хоть и все, пожалуй, делают, но которые, как нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать ... Как будто это было мое самое нормальное состояние, а отнюдь не болезнь и не порча, так что, наконец, у меня и охота прошла бороться с этой порчей ... до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую

ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец — в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том. Я потому и заговорил, что мне все хочется наверно узнать: бывают ли у других такие наслаждения? Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошел; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком; что если б даже и оставалось еще время и вера, чтоб переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться; а захотел бы, так и тут бы ничего не сделал, потому что на самом-то деле и переделываться-то, может быть, не во что. А главное и конец концов, что все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов, а следственно, тут не только не переделаешься, да и просто ничего не поделаешь. Выходит, например, вследствие усиленного сознания: прав, что подлец, как будто это подлечу утешение, коль он уже сам ощущает, что он действительно подлец». **АААААА** Вот затем и книга нужна миру, чтобы было пособие по самоистязанию. **АААААА** Короче, именно так, Рамин Бахрани ставит эпиграммой две цитаты: «иногда оковы лучше такой свободы» - Франц Кафка и «лучше быть счастливым, чем свободным» - якобы, Билль о правах. Сам ставит и сам их всю дорогу пытается опровергнуть, мол, нет, лучше иметь свободу страдать, никто не вправе запрещать нам делать глупости. **АААААА**

Основной вопрос фильма таким образом ставится так: могут ли люди страдать, если того захотят. А-то как же? Жгут книжечки, даже Лолиту Набокова не жалеют, гады (а режиссёр тот ещё русофил)! **АААААА** И вот потому Монтег и не верен делу, что хочет страдания ради страдания, а не чего-то там ещё, хочет он читать книги и путаться в лавинообразном числе вопросов и противоречий. Жизнь в изображённом фильме мире вполне приемлема и приятна для него, нет каждодневных проблем, которые исподволь голодали бы его и только ждали повода, чтобы вырваться на поверхность через неповиновение, через отрицание системы, построенной на сжигании книг, т. е. через отрицание отрицания — книги. Ничего этого нет, Монтег из фильма – придурок, абстрактный гуманист и извращенец, желающий помучить себя книгами, пощекотать нервишки. Это тот нарратив, который приемлем для киноиндустрии. **АААААА**

Вообще, конечно, режиссёр – тот ещё извращенец: выбрать знаменем борьбы за свободу – Достоевского, да не просто Достоевского, а «Записки из подполья» - это извращение. Собственно, сам Дмитрий Фёдорович в них воюет как раз ПРОТИВ либералов, против социалистов, которые, исходя из рационального объяснения природы человека в обществе, требуют свободы, справедливости и равенства. Достоевский же в пику им ставит во главу тип болезненной личности, одержимый иррациональными желаниями. Для такой-то личности и дважды два пять — хорошо, и страдать хорошо само по себе, и бунтовать стоит «беспричинно и ради самоутверждения». Конечно, всякая идея

отражает какой-то момент действительности, и Достоевский отчасти прав, выстѣбывая рациональный эгоизм того же Чернышевского, потому как мотивы поведения не сводятся только к личным интересам, НО! Достоевский становится в корне неправ, ставя иррациональное во главу поведения. Несмотря на отдельные отклонения (которые как раз хорошо описаны Дмитрием Фѣдоровичем), человеческая деятельность подчинена вполне ясным интересам, действующим как на уровне личностей, так и на уровне общностей. И то, что может казаться нелогичным со стороны отдельного человека, выглядит вполне оправдано со стороны общности. Матросов, закрывающий собой амбразуру фашистского пулемѣта, — это глупость и сплошной иррационализм для индивидуалиста-либерала, но, если взглянуть на него, как на часть общности красноармейцев, то его жертва равнозначна сохранению жизней десятков солдат. Или профсоюзный активист, которого избивает охрана, а потом увольняют? Как индивид, он теряет, но рядовые наѣмные работники в случае роста организации, даже при учёте определённых потерь, в сумме остаются в выигрыше. Однако великий русский писатель выбирает именно исключения, где личный иррационализм не оправдывается интересами общности, а объясняется только психическими проблемами.ÂÂÂÂÂ

И вот это душевнобольное желание страдать Бахрани и делает знаменем!!! Одно из двух: или он в Достоевского не вдумывался достаточно, или он тот ещё извращенец, что для западного искусства как раз норма. И действительно, для Запада с буржуазной больше декоративной демократией как раз ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ нужен типаж иррационально бунтаря из психического расстройства, бунта ради бунта по какой-нибудь мелочи, бунта «беспричинного и ради самоутверждения». Такой бунт сотен отдельных групп не влияет на систему в целом, а требования могут даже и удовлетворяться, потому как, не покушаются на святая святых капитализма. А вот типаж, описанный в книге, для Запада страшен, потому мы его и не видим.ÂÂÂÂÂ

Вообще же апелляция Бахрани к русской культуре - это лишь имитация независимости и самостоятельности, имитация разрыва с масскультом. Причѣм, такая имитация, которая очень сильно укоренилась в западном кинематографе: если ты хочешь показать, что развит, что знаком не только с писателями из США и ЕС, используй Достоевского или, на худой конец, Толстого. Но империалистическая Россия есть лишь ситуативная поверхностная оппозиция странам старого капитализма, в культурной основе своей стоит сейчас на той же базе масскульта. Она есть качественно такой же, но менее удачливый конкурент. И Достоевский псевдооппозиционен западной культуре, видя противоречия, лишь, запутывает их, мирит с ними, предлагая либо отдаться высшему промыслу, либо наслаждаться страданием.ÂÂÂÂÂ

Но и пять же, русская культура русской культуре рознь, есть реакционный по большей части Достоевский, а есть, например, те же Стругацкие, касавшиеся вопроса культуры в «Хищных вещах века», есть Беляев с «Часом быка», есть Горький, Зощенко, Шолохов, Радищев, Гоголь, Гончаров, Платонов, но они, конечно, на Западе не интересны, потому что отражают действительно прогрессивные стороны борьбы и русского характера.ÂÂÂÂÂ

Сюжет есть, динамика есть, но всё равно творческие потуги создателей не стоят выеденного яйца. А чего нет?ÂÂÂÂÂ

Нет жизни.ÂÂÂÂÂ

Монтег в книге Бредбири — не зажавшийся обыватель и любимец толпы, ищущий новых ощущений. Более того, он — не вырезанная наспех из гламурного журнала лоснящаяся фигурка.ÂÂÂÂÂ

Нет, это - труженик режима, живущий не в вакууме, а среди семьи, коллег, прохожих, знакомых. В поте лица своего, в прямом смысле слова, он зарабатывает деньги. И вот, этот самый труженик репрессий со своими шероховатостями и потёртостями вдруг понимает, что он несчастен, что живёт он херово, что ему одиноко до чёртиков, что все духовно бесконечно далеко.ÂÂÂÂÂ

И вы знаете, в каком мире он живёт? Он живёт в нашем мире. Мире, где телевидение и медиа вытеснили общение, где постоянно масскульт подавляет мысль, где яркие и громкие спецэффекты подменяют смысл и выбивают табуретку из под стремления понимать. Его жена копит деньги (руками самого Монтега) на то, чтобы поставить четвёртую тв-стену в гостиную. Всё время она смотрит и слушает глупейшие и лишённые смысла тв и радио передачи, о которых даже сама не может сказать, о чём они (предвестники Дома-2). Оба они не могут вспомнить, как и когда познакомились, не знают почти ничего о жизни друг друга. Их страна ведёт войны, но они не думают о них. Дети не знают родителей, а родители детей, нужно только посадить детей перед телевизором, - советует подруга Милдред; дать им телефон, планшет, - добавим мы совет из настоящего. Жизнь забивается тв, спорт-играми, радио, лихими развлечениями на авто.ÂÂÂÂÂ

И вот, с виду счастливая жена Монтега Милдред совершает попытку суицида.

Напомним, что мы уже почти живём в мире, описанном, Бредбири. Музыка и реклама, шум и гам из динамиков в магазине, транспорте, дома, частенько на улице и даже на работе. Дебильные передачи, фильмы, игры - как основной досуг. Разводы, как очень частые явления ввиду отчуждённости людей друг от друга, дети без внимания родителей. Ну и, конечно, «плазмы» на стенах. Ещё, не тв гостиные в четыре стены, но уже огромные и подавляющие мощным звуком. И вот в таком мире, даже если человек захочет сесть и подумать о своей жизни, о том, что творится в мире, какие процессы идут в стране, едва ли ему всё это даст сконцентрироваться. И всё, что ему останется — или жевать умственную жвачку из тв, которая ярче, громче, чем собственные мысли, или черпать малокритично всё подряд из интерната (малокритично опять же потому, что условия не дают ему сосредоточиться и всё выверять, обдумывать, проверять), в крайнем случае, думать на те темы, к которым подталкивает маскульт. А собственные размышления ему придётся отложить до возникновения такой срочной и острой проблемы, что её переживание перекроет внешние раздражители.ÂÂÂÂÂ

И вот Монтег живёт почти в таком мире, может быть, только ТВ помощнее бьёт по мозгам. Монтег встречает Клариссу - молодую девушку-старшеклассницу, подающую себя как умалишённую. И нет, у них не роман. Она принадлежит к старой культуре общения, понимания, избегания «ослепляющих» разум эффектов, культуре мысли и слова. Они по пути домой (соседи) говорят о жизни, о росе, о траве, о том, чем могут

заниматься люди, оставаясь вечером на веранде. Она заставляет Гая заново посмотреть на свою жизнь, и показывает некоторую альтернативу. А тут ещё и бабушка-читальщица себя сожгла. Тогда-то ГГ и съезжает с катушек.ÂÂÂÂÂ

Вот здесь видны противоречия между потребностями жизни и царящей культурой, между законом, порядком, должностью и желаниями, новыми интересами Гая. Здесь есть художественный образ. Он живёт, и сама жизнь изо дня в день ведёт его к бунту. Бунту отчаянному, скоротечному и не очень удачному.

И нет никакого заговора, всемирного перелома, в котором Монтег лично участвовал бы, он — не пуп вселенной. Просто восставший винтик системы чуть-чуть треплет пожарную команду.

Есть у него и старший товарищ, дед-преподаватель. Его устами Бредбери объявляет идею книги:

«Да. Свободного времени у нас достаточно. Но есть ли у нас время подумать? На что вы тратите свое свободное время? Либо вы мчитесь в машине со скоростью ста миль в час, так что ни о чем уж другом нельзя думать, кроме угрожающей вам опасности, либо вы убиваете время, играя в какую-нибудь игру, либо вы сидите в комнате с четырехстенным телевизором, а с ним уж, знаете ли, не поспоришь. Почему? Да потому, что эти изображения на стенах — это «реальность». Вот они перед вами, они зримы, они объемны, и они говорят вам, что вы должны думать, они вколачивают это вам в голову.

Ну вам и начинает казаться, что это правильно – то, что они говорят.»

«Вам не книги нужны, а то, что когда-то было в них, что могло бы и теперь быть в программах наших гостиных. То же внимание к подробностям, ту же чуткость и сознательность могли бы воспитывать и наши радио- и телевизионные передачи, но, увы, они этого не делают. Нет, нет, книги Волшебство лишь в том, что они говорят, в том, как они сшивают лоскутки вселенной в единое целое. ... Знаете ли вы, почему так важны такие книги, как эта? Потому что они обладают качеством. А что значит качество? Для меня это текстура, ткань книги. У этой книги есть поры, она дышит. У нее есть лицо. Ее можно изучать под микроскопом. И вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии. Чем больше пор, чем больше правдивого изображения разных сторон жизни на квадратный дюйм бумаги, тем более «художественна» книга. Вот мое определение качества. Давать подробности, новые подробности. Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью. Посредственные – лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилуют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам.

– Теперь вам понятно, – продолжал Фабер, – почему книги вызывают такую ненависть, почему их так боятся? Они показывают нам поры на лице жизни. Тем, кто ищет только покоя, хотелось бы видеть перед собой восковые лица, без пор и волос, без выражения. Мы живем в такое время, когда цветы хотят питаться цветами же, вместо того чтобы пить влагу дождя и соки жирной почвы».

Книги – лишь часть культуры. Идея сжигания книг – замануха, для обывателя США. Сжигание книг – аллегория, чтобы привлечь уже подпадающих под влияние

маскультуры к обсуждению вопроса о порочности последней. Явное и несуразное преувеличение, за которым стоит истинный вопрос, понятно же, что даже во времена Бредбери цель сжечь все книги была бы невыполнима просто в силу того, что нельзя проверить каждую техническую инструкцию, каждую программу телепередач, каждый физический справочник — а не спрятаны ли в нём страницы художественной книги. Неправдой правду соврал. Этот образ, видимо, был ему навеян фашизмом, маккартизмом, опасением развития капиталистического общества по жёстко тоталитарному сценарию.

Но в этом он оказался не совсем прав, сделав зигзаг, история пока что пошла другим путём: не надо сжигать книги. Надо создать информационный шум, чтобы опасные для системы вещи тонули, надо создать атмосферу идеологической травли революционных учений, нужно именно вытравливать, именно «делать прививки» от идей, чтобы в постмодернистском маскульте уже был растворён антикоммунизм, антисоциализм и т. д. Ну, а сверх этого, можно добавить законы об экстремизме, хейтспиче, чтобы запрещать некоторые из ряда вон выходящие тексты. Последнее не пресекает полностью вольнодумие и распространение опасных капиталу идей (с появлением интернета это стало совсем невозможно), но ограждает верноподданническую массу от их влияния. Этого на сегодня в относительно богатых странах достаточно. Достаточно потому, что масса отодвинута от чтения другим более эмоциональным, лёгким, захватывающим и эффектным досугом. Тут Рей Бредбери ошибся, приняв фашизм и маккартизм (или даже советскую цензуру времён сталинизма) за определяющую тенденцию. Но в основе нынешнего положения вещей лежит как раз культура шума, культура долбёжки по мозгам. И тут Бредбери был прав на 100%.

В фильме же оставили первое — ошибочное, кратковременное, то, что не сбылось (пепелища из книг), убрав верное, долгосрочное (культуру шума). И в этом есть

рекурсия. Отношение фильма к первоисточнику такое же, как отношение современной культуры к разным идеям. Идеи ложные, идеи бессмысленного бунтарства она тиражирует, а идеи действительно актуальные и адекватные, бьющие по её столпам (в данном случае культурным столпам) она замалчивает, «забывает». Вот вам и капли от памяти, только без капель.

Но иногда и сами книги могут быть каплями от памяти и пилюлями забвения. Интересно, что в экранизации 1966 года Монтег показан как интеллигент-слюнтяй, который с головой уходит в чтение. И в этом фильме как раз такое отстранение от жизни в пользу чтения его и губит. Милдред «не выдерживает» и сдаёт его, сдаёт не потому, что боится быть преступницей или ненавидит книги, следуя пропаганде, а потому, что Монтег перестаёт уделять ей внимание, зарывшись с головой в бумажные страницы. И такая опасность тоже всегда есть — опасность книги — ложной реальности, ещё одного утешения и формы отвлечения. Не говоря о качествах экранизации 1966 года, нужно признать, что эта мысль важна и что она очень хорошо дополняет комплекс идей из этого произведения Бредбери.

Фильм 2018 года не может похвастаться практически никакой новой и полезной мыслью.

Повторим и подчеркнём приговор Бредбери из книги, той пародии, что нам показывают в кино под видом 451 F°:

«А что значит качество? Для меня это текстура, ткань книги. У этой книги есть поры, она дышит. У нее есть лицо. Ее можно изучать под микроскопом. И вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии. Чем больше пор, чем больше правдивого изображения разных сторон жизни на квадратный дюйм бумаги, тем более «художественна» книга. Вот мое определение качества. Давать подробности, новые подробности. Хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью. Посредственные – лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилуют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам».

В книге всё этим пропитано и показано, как культура шума, огней, постоянной смены всего отупляет человека, делает неспособным запомнить пару строк. Зачем капли, коктейль в фильме, когда достаточно мощных сабвуферов, напрягающих уши и вышибающих мозги?! Но нет. Показать эту основную мысль книги – значит масскультовской «саламандре укусить себя за хвост». Фильм этот и есть выражение того, против чего борется книга, – выражение деградированной постмодернисткой культуры. Бредбери же этой культуре вынес чёткий неиллюзорный приговор в виде бомбардировщиков, взрывающих сытые на фоне мирового голода города империалистов (для Бредбери – свои города). Режиссёру книги нужны, чтобы по Достоевскому иметь возможность высоко страдать, тогда как Бредбери книги нужны, чтобы уменьшить отчуждение, чтобы понимать жизнь, приобщаться к ней, изменить её и через это снимать страдание.